

На правах рукописи

ОХАЛИНА Анна Алексеевна

**ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
НОМИНАЦИИ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ
М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»**

Специальность 10.02.01 – русский язык

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Тюмень - 2013

Работа выполнена на кафедре общего языкознания ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Белякова Светлана Михайловна

Официальные оппоненты: Коновалова Надежда Ильинична,
доктор филологических наук, профессор
кафедры общего языкознания и русского языка,
директор института филологии, культурологии
и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО
«Уральский государственный педагогический
университет»

Драчева Светлана Олеговна,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской литературы ФГБОУ ВПО
«Тюменский государственный университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Тобольская государственная
социально-педагогическая академия
им. Д.И. Менделеева»

Защита состоится 15 февраля 2013 г. в 13.30 на заседании диссертационного совета Д 212.274.09 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук при государственном образовательном учреждении «Тюменский государственный университет» по адресу: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, 9, ауд. 211.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Информационно-библиотечного центра ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет» (625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 18).

Автореферат разослан « 30 » декабря 2013 года.

*Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент*

Е.В. Купчик

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемое диссертационное исследование посвящено проблеме лексико-фразеологической номинации времени в художественном тексте, а именно в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон». «Тихий Дон» - литературное произведение, отмеченное Нобелевской премией и принадлежащее, по мнению отечественных и зарубежных литературоведов, к числу наиболее ярких явлений мировой культуры XX века.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена, во-первых, многообразием представлений о темпоральности как координате человеческой жизни в культуре и науке, что приводит к многозначности и сложности выражения категории времени; во-вторых, интересом современной лингвистики к этой проблеме в перспективе изучения языка художественной литературы и идиостиля писателя.

Феномен времени имеет большое количество трактовок, моделей, концепций, сложившихся в различных науках. Вместе с тем общие признаки времени находят свое отражение в научном знании независимо от его специфики. Это положение определяет необходимость исследования категории времени в лингвистике в совокупности с данными других наук. В русской лингвистической традиции время изучалось, прежде всего, как грамматическая категория глагола (работы К.С. Аксакова, В.В. Виноградова, Н.П. Некрасова, Н.С. Поспелова, А.А. Потебни, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова и др.). Границы объекта расширяются в 80-е гг. XX века в связи с разработкой теории функциональной грамматики (работы А.В. Бондарко, Г.А. Золотовой и др.). С этого времени активно начинает использоваться термин **темпоральность**, причем только в последние десятилетия темпоральность стала рассматриваться как один из элементов языковой картины мира и как составляющая лингвокультурного знания того или иного народа. Изучению языковой картины мира (в том числе и ее временной координаты) посвящены работы С.Е. Никитиной, Т.М. Николаевой, З.К. Тарланова, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, О.Н. Трубачева, О.А. Черепановой. В рамках всеобщего интереса к темпоральности в определенные периоды

обостряется интерес исследователей к изучению частных проблем, например, к проблеме текстообразующей функции времени. Так, диссертационные работы С.А. Борисовой, Ю.Ю. Даниловой, Г.П. Джинджолия, С.О. Драчевой, В.Н. Капленко, А.С. Персониной способствовали осмыслению темпоральной структуры текста. На материале лексики художественных текстов рассматривают категорию времени Б.Ф. Егоров, Д.Н. Медриш, Е.А. Стальмахова, А.Г. Щепин и др.

Несмотря на значительное число работ, в которых рассматриваются особенности идиостиля М.А. Шолохова (В.В. Бабайцева [2005], Ф.Г. Бирюков [1987], А.А. Брагина [1980], О.А. Давыдова [2005], Е.И. Диброва [2002], В.Н. Мусатов [1975], В.В. Новиков [1985], А.В. Степанов [2000], Л.Г. Якименко [1958, 1977] и др.), избранный нами аспект изучения языка писателя практически остался за пределами их внимания.

Выбор темы диссертационного исследования определяется и тем, что оно вписывается в проблематику одного из наиболее востребованных направлений лингвистики, в фокусе внимания которого находятся категории базовых культурных универсалий.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предпринимается попытка лингвистического анализа лексико-фразеологических единиц с временным значением в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон», причем с учетом того, что рассматриваемые языковые средства стилистически неоднородны, поскольку включают в себя как общерусские, так и просторечно-диалектные элементы. На основании анализа данной лексики и фразеологии выявлены этнолингвистические особенности категории времени в романе, связанные не только с идейно-художественным взглядом автора, но и с особенностями мировоззрения носителей традиционной культуры, в частности донских казаков. Установлена близость реализаций феномена времени, зафиксированных в русских диалектах, с одной стороны, и воплощенных в тексте романа – с другой.

Объект исследования – лексические и фразеологические единицы с темпоральной семантикой и особенности их функционирования в тексте романа.

Материал для исследования – единицы лексики и фразеологии с темпоральной семантикой, извлеченные методом сплошной выборки из текста романа М.А. Шолохова. В результате обработки материала составлена картотека, включающая в себя 764 единицы с временным значением (лексемы и фразеологизмы), что составляет 12186 словоупотреблений. Критерием отбора языковых единиц послужила сема «время», эксплицитно или имплицитно выраженная в словарных дефинициях лексем.

Предметом исследования в настоящей работе является специфика лексико-фразеологической репрезентации времени в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон».

Цель исследования – комплексный анализ категории времени и описание языковых (лексико-фразеологических) средств и способов ее репрезентации в романе, а также выявление аксиологического содержания в восприятии и осознании времени героями романа.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**:

- систематизировать основные концепции феномена времени с точки зрения философского, историко-культурологического, мифологического подходов, проследить развитие представлений о времени в языковом сознании и процесс становления данной категории в рамках русской языковой картины мира;
- осуществить структурно-семантическую классификацию темпоральной лексики романа; выявить наиболее частотные временные указатели;
- рассмотреть политемпоральную структуру романа, определить основные типы времен;
- на основе изучения диалектно-просторечных слов и фразеологизмов с временным значением определить общий характер категории времени в романе, установить ее связь с типом темпорального отражения, присущего традиционной русской культуре.

Теоретико-методологическую основу работу составили, во-первых, философские, культурологические, литературоведческие труды, посвященные феномену времени, во-вторых, исследования лингвистов, в которых темпоральность становится объектом пристального внимания и научного интереса (Д.Г. Ищук, Л.Н. Михеева, В.В. Морковкин, Ф.И. Панков, Н.А. Потаенко, Е.С. Яковлева и др.), в-третьих, работы по темпоральной лексике русских народных говоров (С.М. Белякова, Г.В. Калиткина, Е.А. Нефедова и др.), а также труды литературоведов и языковедов, направленные на изучение специфики художественного мира М.А. Шолохова и, в частности, поэтики его романа «Тихий Дон» (Ф.Г. Бирюков, А.Ф. Бритиков, В.В. Гура, Ю.А. Дворяшин, А.В. Калинин, Ф.Ф. Кузнецов, В.В. Петелин, К.И. Прийма, Л.Г. Сатарова, С.Н. Семанов, Л.Г. Якименко и др.).

При написании работы применялась следующая совокупность **методов исследования**: *метод научного описания*, который включает в себя *прием компонентного анализа*, помогающий разложить лексические значения на минимальные составляющие – семы при выявлении семантики слов и фразеологизмов с темпоральным значением; *прием классификации*, позволяющий распределить анализируемую лексику по классам объективной и субъективной направленности; *контекстуальный метод*, посредством которого осуществляется описание синтагматических отношений анализируемых лексических и фразеологических единиц; *стилистический метод*, позволяющий проанализировать существующее в конкретике текста соотношение языковых средств и функционально-стилевой сферы; *сопоставительный метод*, помогающий выявить сходства и различия общерусской и просторечно-диалектной лексики с временным значением; *статистический метод*, позволяющий установить количественные характеристики анализируемого материала.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что результаты исследования расширяют представления о темпоральности языковой картины мира как координате человеческого мышления и мировидения. Кроме

того, теоретическое значение имеет обращение к лингвистическому анализу художественного текста с точки зрения отражения в нем временных характеристик, присущих как произведению в целом, так и его элементам (сюжетным линиям, мотивам, образам героев и др.).

Практическая значимость диссертационной работы определяется, на наш взгляд, важностью введения в научный оборот средств репрезентации категории темпоральности, представленных в романе М.А. Шолохова, что расширяет возможности научно-учебных исследований, посвященных характеристике идиостиля писателя. Полученные результаты могут быть использованы при разработке специальных вузовских курсов лингвофилософского, лингвокультурологического характера, а также стать предметом анализа на практических и семинарских занятиях по литературоведению, лексикологии, темпорологии, лингвистическому изучению текста и другим филологическим дисциплинам.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были изложены в выступлениях и докладах на Международной научно-практической конференции молодых ученых «Кризис: гуманитарные стратегии преодоления» (Тюмень, 23 марта 2009), 32-ой научной конференции «Духовное пространство в народном сознании поколений», приуроченной к Дню памяти равноапостольных Кирилла и Мефодия – празднику славянской письменности и культуры (Тюмень, 25 мая 2009), Международной научной конференции «Личность учителя: гуманизм, просвещение, наставничество» (Тюмень, 24 мая 2010), Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, студентов «Молодежь: гуманитарные стратегии преодоления социальных рисков» (Тюмень, 19 апреля 2010), Региональной научно-практической конференции «Гуманитарные аспекты модернизации России» (Тюмень, 21 апреля 2011), Международной научной конференции «Славяно-русский мир в языковом сознании евразийцев» (Тюмень, 24 мая 2011).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Основными средствами репрезентации категории темпоральности в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» являются лексические и фразеологические единицы, принадлежащие к разным лексико-семантическим группам и входящие в классы объективной и субъективной направленности. Наиболее представленными группами выступают названия частей суток, слова, обозначающие жизнь как временной отрезок, модусы прошлого и настоящего, протяженность, что объясняется особенностями мировосприятия казаков, которое характеризуется прагматичностью, архаичностью и связано со спецификой крестьянского быта, сельскохозяйственного производства, устоявшимися традициями.

2. По своей временной структуре роман «Тихий Дон» делится на две контрастные части – мирное время, выраженное в романе природным и сакральным временем, и военное время, связанное с четкой хронологией исторических событий. Вместе с тем в романе представлен синтез этих контрастных периодов, проявляющийся в неразделимом единстве судеб героев и сюжетных линий, их связывающих. Политемпоральность повествования обусловлена жанровой природой и эпическим характером литературного произведения.

3. Отраженный в романе лексико-фразеологический фонд донских говоров при всей своей специфике вписывается в общую систему картины мира (ее темпорального фрагмента), присущей наивному сознанию носителей русской традиционной культуры, в котором органически сочетаются циклическое и векторное восприятие времени.

4. Универсальное содержание категории времени находит в художественном тексте свое национально-культурное выражение и получает субъективную, аксиологически маркированную интерпретацию, представляя собой единство духовно-религиозного понимания феномена, традиционных народных представлений, отражающих нравственные и эстетические ценности русского народа. В своих основных чертах он близок к образу времени,

фиксируемому в русских диалектах, однако отличается от него меньшим пассеизмом, тесным переплетением модусов прошлого и настоящего.

Структура диссертации. Общий объем диссертации составляет 215 страниц. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, приложения, которое содержит полный перечень темпоральных единиц с указанием количества употреблений в тексте.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении представлена краткая история изучения вопроса в науке; раскрываются актуальность и новизна предпринятого исследования, его методологическая основа; перечисляются поставленные цель и задачи, положения, выносимые на защиту; определяется теоретическая и практическая значимость работы; обозначается предмет научного сочинения; формы апробации результатов исследования; приводится информация о структуре и содержании работы.

В первой главе дается обзор научных работ, посвященных феномену времени, раскрывается степень изученности вопроса в разных областях знаний, особое внимание уделяется осмыслению проблемы времени в лингвистике. Характеризуются, констатируются существующие в лингвистике подходы к классификации слов с темпоральным значением. Дается описание семантики и структуры темпоральной лексики, репрезентирующей в романе М.А. Шолохова субъективное и объективное время.

Первый и второй параграфы носят теоретический характер. В них рассматриваются и обобщаются основные теоретические подходы и понятия категории темпоральности. Так, обращается внимание на то, что открытия И. Ньютона, а потом А. Эйнштейна стали основополагающими в изучении категории времени. Опираясь на учение И. Ньютона об абсолютном времени, на концепцию пространственно-временного континуума, вытекающую из теории относительности А. Эйнштейна, Я.Ф. Аскин [1966] дифференцирует физический и философский аспекты проблемы, разграничивает пространство и время как

самостоятельные, но взаимосвязанные субстанции. А.Н. Лой и Е.В. Шинкарук [1979] рассматривают время в социально-историческом аспекте, В.П. Яковлев [1980] – в социальном. В.П. Казарян [1980] исследует место понятия времени в общей структуре научного знания. Онтологический, культурологический, антропологический подходы к проблеме выделяет М.С. Каган [1982]. Вопросу развития научного темпорализма посвящает свое исследование В.Н. Ярская [1981]. Весомый вклад в изучение категории времени внесли ученые, занимающиеся психологией. Различные аспекты этой проблемы освещены в работах Б.Г. Ананьева [1968, 1980], С.Л. Рубинштейна [1989], Д.Г. Элькина [1962], статьях Е.И. Головахи и А.А. Кроник [1988], В.И. Ковалева [1988], Б.И. Цуканова [1985], В.С. Хомика [1988] и других. Важным фактором, определившим современный подход к категории времени в языкознании, стало утверждение антропологической парадигмы в гуманитарных науках, в том числе и в лингвистике. Субъективную сущность категории времени отмечали Т.В. Булыгина, Д.С. Лихачев, А.Д. Шмелев, которые считали, что концепт времени в большей степени, чем другие речемыслительные категории, отражающие атрибуты действительности, связан с переживающим субъектом, с его оценкой, ощущением времени. Лингвокультурологический аспект анализа, учитывающий языковые и культурные особенности восприятия и отражения, концептуализации и реализации времени, присутствует в исследованиях, как правило, лишь фрагментарно, в рамках работ, посвященных более общим проблемам (Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.В. Кравченко, Н.И. Постовалова, А.Д. Шмелев и др.). Время, понимаемое как категория культуры, ученые исследуют преимущественно в качестве формы отношения человека к миру (см. работы Б.М. Гаспарова, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского). Несмотря на общепринятое положение о существовании циклического и линейного времени, ряд лингвистов считает условным такое деление, так как оно не отражает полностью роль и содержание времени в языковой картине мира, его связь с культурным контекстом, более того, отмечается единство и даже диалектическое взаимодействие линейного и циклического времени (Л.Н. Михеева, Е.В.

Падучева, Н.А. Потаенко). В силу этого современное отечественное языкознание выделяет концептуальную модель времени как центральный компонент современной картины мира. По мнению Л.Н. Михеевой, данная модель времени включает научные понятия о времени как длительности, продолжительности всех событий и явлений, их последовательности и наивно-обиходные темпоральные представления, которые находят выражение в диалектах, народном календаре, фразеологии и т.п.: «... модель времени призвана выразить единый, присущий данной культуре тип восприятия, так как представление о времени – неотъемлемый компонент представления человека о мире в целом» [Михеева 2005: 69].

В работах современных лингвистов также находит свое отражение проблема классификации темпоральной лексики, подробно анализируемая **во втором параграфе**. В исследованиях таких лингвистов, как А.В. Бондарко, Н.Б. Грушина, Д.Г. Ищук, Е.А. Стальмахова, Ф.И. Панков и др., основой классификации темпоральных единиц стал так называемый полевой подход. М.В. Всеволодова за основу системы описания временных отношений берет принцип бинарных оппозиций [Всеволодова 1975], Н.А. Потаенко выделяет группы слов с темпоральной семантикой в зависимости от характера представленности времени в лексическом значении. При всем обилии имеющихся классификаций, основанных на различных подходах, необходимо отметить и их сходство в рубрикации. Так, время относительное и безотносительное мы находим в идеографической классификации, предложенной В.В. Морковкиным [Морковкин 1977]. Безотносительное время включает в себя группу слов, обозначающих повторяемость во времени и длительность. Относительное время включает в себя группу общих обозначений временного порядка (начало, конец, потом и т.п.), группу слов, указывающих на время относительно некоторого момента или на время одного действия относительно времени другого действия. Причем каждая группа как в относительном, так и в безотносительном времени разбивается на еще более мелкие подгруппы. Дальнейшей интерпретации эта классификация подверглась в работах Т.Г. Никитиной [Никитина 1995], С.М.

Беляковой [Белякова 2005], С.О. Драчевой [Драчева 2007]. В качестве опорной нами выбрана классификация, предложенная В.В. Морковкиным, в основе которой лежит идеографический принцип. На наш взгляд, данная классификация является оптимальной, так как позволяет рассматривать семантическую структуру слова и учитывать замысел говорящего, т.е. рассматривать слово в системе языка или в речевом потоке в качестве члена лексической парадигмы, обладающей определенной валентностью.

В третьем параграфе дается структурно-семантическое описание темпоральной лексики и фразеологии романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Систематизация представленного в картотеке материала позволила выделить класс объективной направленности и класс субъективной направленности. Каждый класс содержит лексико-семантические группы, более или менее близко совпадающие по своему основному (стержневому) семантическому содержанию. **Объективное время** в романе представлено следующими лексико-семантическими группами: 1) названия временных единиц и их частей (*год, месяц, минута*); 2) названия неопределенных отрезков времени (*момент, миг, мгновение*); 3) обозначения временных отрезков, измеренных в единицах отсчета (*столетие, трехдневный, двухнедельный*); 4) названия частей суток и их производные (*ночь, полдня, рассветный, темь*); 5) названия времен года и их производные (*осень, провесна, по-летнему*); 6) названия дней недели (*воскресенье, четверг*); 7) названия месяцев и их производные (*октябрь, сентябрьский, декабрь*); 8) слова, обозначающие жизнь как временной отрезок (*жизнь, смерть, век – в значении «жизнь, чье-н существование»*); 9) названия временных периодов по отношению к данному моменту включают в себя модус прошлого (*старина, бывалоча, прошлогодний*), модус настоящего (*сегодня, none, зараз*), модус будущего (*завтра, грядущий, наавтра*); 10) названия периодов и явлений в соответствии с различными календарями (*праздник, Пасха, будничный*). Кроме того, к лексико-семантическому классу объективного времени мы относим слова, обозначающие какой-либо период, явление, у которых в структуре лексического значения отсутствует сема «время», но в контексте они выражают

объективную направленность времени. Это персонифицированная номинация временных промежутков в индивидуальном опыте осмысления исторического времени и слова, обозначающие названия периода, связанного с господствующей идеологией, историческим событием – *при царе, при Керенском, персидская революция, турецкая война*. **Субъективное время** в романе М.А. Шолохова представлено следующими лексико-семантическими группами: 1) последовательность (*в аккурат, вначале, немедленно*); 2) урочность (*одновременно, загодя, поздно*); 3) частотность (*частенько, изредка, иной раз*); 4) кратность, (*ежегодно, однажды, как-нибудь*); 5) протяженность, которая представлена оппозициями **долго** (*всю жизнь, надолго*) / **недолго** (*наспех, трошки*), **всегда** (*все время, навовсе*) / **никогда** (*сроду, ни разу*).

Время в романе обозначено как единичными лексемами (*завтра, рано, прошлый*), так и устойчивыми сочетаниями слов (*изо дня в день, ни свет ни заря*). Кроме того, в роли единицы с временным значением может выступать целый метафорический описательный оборот (*покуда солнце росу подбирает*). Темпоральное значение в романе также имеют образные сочетания, выражающие народное представление о временных категориях: *солнце в дуб, вторые кочета*. Такие устойчивые выражения с семантикой времени опосредованно обозначают конкретные временные отрезки: «утро», «полдень», «день», «ночь» т.д. Языковой материал, которым мы располагаем, позволяет сделать вывод о том, что темпоральная лексика в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» представлена достаточно широко (12186 словоупотреблений). В среднем на одну страницу текста приходится около 9,5 словоупотреблений темпоральной лексики. Значительное место занимает класс объективной направленности – 7796 словоупотреблений, что составляет 64% от общего состава лексики и фразеологии с временным значением, в то время как класс субъективной направленности – 4390 словоупотреблений / 36%. В классе объективной направленности наибольшее количество лексем и фразеологизмов наблюдается в группах, называющих жизнь как временной отрезок, сутки и их составляющие части и временные периоды по отношению к данному моменту. Причем необходимо

заметить, что в последней группе низкочастотной является категория будущего. Слова, обозначающие неопределенные отрезки времени (*эпоха, мгновение, миг*), практически не находят отражения в романе М.А. Шолохова, это же можно сказать и о названиях дней недели. В классе субъективной направленности к доминантным группам относим протяженность и последовательность. Частотные темпоральные указатели позволяют обозначить наиболее важные точки художественного мира романа и одновременно – существеннейшие координаты традиционной культуры.

Во второй главе время рассматривается как текстовая категория, описываются теоретические подходы к понятию «художественное время». С учетом сюжетно-композиционной организации романа анализируется специфика употребления темпоральных слов и фразеологизмов, выявляются типы времен (в их единстве и противопоставленности). **Первый параграф** посвящен времени как категории поэтики, так как в литературоведении художественное время является предметом особого рассмотрения. Исследованием этой проблемы занимались М.М. Бахтин [1975], Б.И. Бурсов [1966], В.В. Виноградов [1941], Я.О. Зунделович [1956], Д.С. Лихачев [1999], В.Б. Шкловский [1961] и другие. Различные аспекты художественного времени рассмотрены в статьях Г.А. Золотовой [1975], И.М. Лысухина [1989], Л.О. Чернейко [1994], Е.И. Дибровой [1999]. Объектом современных исследований таких ученых, как Л.Н. Михеева [1993, 1996], М.А. Дмитриевская [1997], И.Б. Левонтина [1997], В.П. Григорьев [1997], Н.Ю. Донченко [1999], Н.А. Николина [2003], С.Г. Григоренко [2003], И.А. Гулова [2003], Т.Н. Зотова [2004] и других, стало время отдельного художественного произведения. В отличие от объективно данного, субъективное время в художественном произведении движется по особым, внутренним, имманентным законам: оно многомерно, прерывисто, разнонаправленно. Трансформированное восприятием художника реальное время превращается в словесном произведении в сложную художественную систему, подчиняющуюся законам внутреннего развития. В художественном тексте, помимо основных универсальных представлениях о ходе времени и его свойствах (наполненность

событиями; цикличность / линейность / временная данность; диалектика времени; движение от прошлого к настоящему, от настоящего к будущему; непрерывная текучесть/длительность/временная фиксированность событий), воплощаются также и уникальные индивидуально-авторские представления о времени. Они проявляются в ретроспекции и проспекции, в сжатии и растягивании времени протекания событий, в его дискретности. Важным и дискуссионным в общей темпорологии является вопрос о моно- или политемпоральности, т.е. существование общей категории времени или набора локальных времен. Большинство исследователей, признавая единство данной философской категории, выделяет определенный набор времен (в соответствии с уровнями материи или способами восприятия). Опираясь на эти представления, а также на труды лингвистов, изучающих время в художественном тексте, мы считаем возможным говорить о политемпоральности исследуемого романа и даже считать эту характеристику его важнейшей особенностью. Конкретные типы времен, формирующие общий образ времени в романе, рассмотрены нами в следующих параграфах.

При изучении категории времени в языке центральной становится сама лексема *время*. **Во втором параграфе** рассматривается функционирование лексемы *время* в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон», ее значения и сочетаемость. Слово *время* относительно редко употребляется изолированно – в роли конкретизаторов выступают другие лексические единицы (существительные, прилагательные, местоимения, глаголы), которые включаются в состав словосочетаний с различными типами синтаксической связи. *Я сам в старое время в гусарах служил, а к красным попал по мобилизации...* (кн.4, 499). *Ожидая мужа, Пелагея горюнилась, скучала без людей, поэтому в пятницу созвала баб-соседок время разделить* (кн.1, 152). Если свести воедино выделенные и описываемые употребления слова *время*, то можно отметить, что в речи героев эта лексема чаще всего служит для обозначения отрезка, промежутка в последовательной смене событий и определенного момента, периода, причем данные значения носят аксиологическую направленность. *По нынешним временам*

все это ни к чему (кн.4, 368). *Да поспешайте, ради Христа, а то и время не раннее, да и дорога нам не близкая ...* (кн.4, 655). Это объясняется тем, что темпоральная составляющая в речи героев формируется на основе личного временного опыта, ассоциируется с разного рода переживаниями. Особо следует отметить, что абстрактность семантики значения «время как деятельная олицетворенная субстанция, активно участвующая в повседневной жизни» обуславливает его употребление только в речи автора. *Ветер зализал следы ушедших – время залижет и кровавую боль, и память тех, кто не дождался родимых...* (кн.2, 440). *Время наложило на него свою лапу, и под тяжестью ее ввалилась крыша, покривились стены, расхлябанно обвисли ставни, паралично перекосились окна* (кн.2, 449). Однако для шолоховских героев характерно «бытовое» понимание времени, конкретизируемое чаще всего контактными определениями. *Зараз опять подходит такое сурьезное время, как в семнадцатом году* (кн.4, 509). *...Подошло время девку замуж отдавать, а на Парамоновской ссыпке прижимают с ценой на пшеницу* (кн.1, 84).

К абстрактным темпоральным значениям, встречающимся в романе «Тихий Дон», относим такое понятие, как «жизненный цикл» (life cycle). Оно включает в себя биологический цикл жизни человека (от рождения до смерти), который тесно связан с циклом социальной жизни [Савельева, Полетаев 1997]. Жизнь может быть представлена комплексом дифференциальных признаков, выбор которых обусловлен человеческим знанием самой жизни. Совокупность этих знаний человек получает чувственным, практическим путем – на основе опыта. В тексте довольно часто образные представления жизни находят отражение в сравнениях: *Маленькими смуглыми руками, покрытыми редким глянцем волоса, щупал Сергей Платонович Мохов жизнь со всех сторон. Иногда и она с ним заигрывала, иногда висела, как камень на шее утопленника* (кн.2, 352). *Иной раз, вспоминая всю свою жизнь, глянешь, - а она, как порожний карман, вывернутый наизнанку...* (кн.3, 240). *Событийность жизни неотделима от ее антропоморфного восприятия: Двадцать годков тебе, а как тебя жизнь выездила...* (кн.4, 582). Приобретение человеческого опыта позволяет определить параметры человеческого бытия – его

насыщенность, протяженность и конечность. Все лексические измерения жизненного цикла в подобных синтаксических сочетаниях приобретают эмоциональные характеристики, модели эмоционально-оценочного характера включают определения: *бедная, мудрая, не сладкая, диковинная* и т.д.: *Жизнь оказалась усмешливой, мудро-простой* (кн.3, 146). *Жизня твоя не сладкая...* (кн.1, 266). Сфера смерти остается недоступной, загадочной, она не может быть познана эмпирически, фиксируется лишь косвенно (отсутствие признаков жизни). Смерть является конечной точкой жизни: *До смерти буду носить вот эти воспоминания...* (кн.2, 417) (то есть до конца жизни). В романе при описании смерти появляется мотив предопределенности. Каждому уготован свой срок: *Кто пойдет смерти наперед? Кто разгадает конец человеческого пути?..* (кн.3, 84). *Смерть – ее нечего искать, она и тут налапает* (кн.3, 88). Смерть персонифицирована в сознании героев, так же, как и жизнь. *Смерть как будто заигрывала с казаком, овеяв его черным крылом* (кн.3, 72). *Слишком много отняла у них смерть* (кн.4, 594). Как и при отсчете природного времени, жизненные этапы должны следовать строго один за другим от рождения до смерти. Любое нарушение этого порядка воспринимается как аномалия. Этим же объясняется и отрицательная маркированность всякого рода нарушений логики жизни героя, очередности значимых отрезков жизни (например, болезнь или несвоевременная смерть).

Темпоральная составляющая индивидуальной картины мира формируется во многом на основе личного временного опыта. В этой связи можно говорить о категории времени относительно отдельно взятого героя произведения, поэтому далее были рассмотрены особенности восприятия времени, которые характеризуют главного героя романа Григория Мелехова. В первой книге «Тихого Дона» мир Григория – это размеренная жизнь земледельца. Темпоральными указателями времени служат церковные праздники, название частей суток: *Сходи, Миша, к Астаховым. Перекажи Аксинье, чтоб, как за вечерет, вышла к ветряку* (кн.1, 126). *Весной – в лагерь, осенью – на службу* (кн.1, 126). Наряду с циклическим временем выстраивается и линейный ход

событий, интенсификаторами которого выступают лексемы *попервам, вскорости, потом, опосля* и др.: *Не ругайтесь попервам* (кн.4, 504). *Опосля стыдно будет, ты ить невеста* (кн.4, 492). Восприятие времени у главного героя меняется вместе с историческими событиями, происходившими на Дону. Кровавые бои, классовое размежевание жителей хутора Татарский приводят Григория к напряженному поиску своего места в этой действительности, как следствие – непонимание настоящего, все более частое обращение к прошлому. Настоящее время замещается эпизодами прожитой жизни, которые хранятся в его памяти. События прошлого в сознании героя М.А. Шолохова часто описываются с помощью глаголов *воскреснуть, оживить*, которые характеризуют цикличность времени, способность воспроизвести то, что было прежде: *... память настойчиво воскрешала давно минувшее, различные, зачастую незначительные эпизоды совместной жизни, разговоры* (кн.2, 446). Если в сознании героя прошлое не имеет временных границ, то в реальной действительности оно способно лишь на мгновение заполнить настоящее: *Ему кажется, что на секунду он ощутил дурнопьянный, тончайший аромат Аксиньиных волос; он, весь изогнувшись, раздувает ноздри, но... нет! это волнующий запах слежалой листвы* (кн.2, 331). В этом случае можно говорить о перцептуальном времени (от лат. perceptio – восприятие, непосредственное отражение объективной действительности органами чувств).

В романе в различных исторических условиях у героев меняется ощущение длительности времени, что представлено бинарной оппозицией **долго – недолго**. Например, *томительно долго, бесконечно, затяжной, длительный / мимолетный, на-скорях, стремительный, короткий*. Следует отметить, что в таких сочетаниях на первый план выходят глаголы несовершенного вида (процессное значение): *нескончаемо тянулись длинные летние дни, тянулись выхолощенные скукой дни, цедились дни, стекали неторопливые годы, томительно длинными казались дни*. Второй член оппозиции – **недолго (быстро)** – представлен как наречиями (*вихрем промчалась, быстротеком прошли августовские сумерки*), так и прилагательными (*как коротка оказалась эта жизнь, за куценькие полчаса*).

Усиливают их смысловую доминанту неопределенные местоимения *какой-то*, *какой-нибудь* в значении «о небольшом количестве: не больше чего-н.; всего лишь; всего-навсего (разг.)» [Ожегов 1999: 260]. Например: *каких-нибудь два года служил, за какое-то неуловимое мгновение, какой-то незаметный миг*.

Главным критерием природного времени в романе является движение солнца (природные часы и сопровождающие его движение эффекты: восход (заход) солнца, заря, наступление сумерек и т.д.). В тематическую группу «сутки» входят лексемы полярного значения: *рассвет – закат, утренняя заря – вечерняя заря, свет – мгла*, а также слова *сумерки, полумрак, полутьма, полумгла*, обозначающие промежуточные состояния. Начало и конец трудового дня связаны с понятием циклического времени, повтором природных циклов, поэтому неслучайно в романе при описании вечернего пейзажа встречаются слова, содержащие в своем значении сему конца, в том числе смерти человека: *трупно, умирать, увядшее, истухать, меркнуть. Рудое, в синих подтеках, трупно темнело над ветряком небо...*(кн.1, 126). *Над просекой меркли на стволах сосен темно-рудые следы ушедшего солнца* (кн.1, 247). Время воспринимается как определенный период выполнения каких-либо работ, прерываемый периодическими праздниками, которые закрывают временной цикл и открывают новый, осуществляя, таким образом, тотальное возрождение времени. Именно благодаря этому эффекту повторения время воспринимается одновременно циклическим и вечно настоящим. Значимыми точками годового цикла являются православные годовые праздники, прежде всего двенадцатые, по которым донские казаки отсчитывают время как сакральное, сопровождаемое обрядовыми действиями – христианскими и языческими в их контаминации, так и профанное, связанное с той или иной работой. Праздники и будни противопоставлены во всем их объеме: образ жизни и деятельности – распорядок дня, дом и домашнее хозяйство, отношения внутри семьи и между односельчанами (трудовые, этические, ритуальные), пища и одежда: *буднишны шаровары – праздничны с лампасами шаровары, будняя юбка – праздничная юбка, праздничны наряды, нарядилась будто на праздник*. Православный календарь становится основой для

систематизации привычного казачьего мира, практического крестьянского опыта. Казаки, как правило, пользуются относительной хронологией, которая заключается в том, что временные рамки какого-либо события определяются не конкретными датами, а по отношению к религиозному празднику, посту или мясоеду, причем в сочетании с числительными они обозначают временные рамки с определенной точностью. *Выехал пахать за три дня до Покрова* (кн.1, 103); *На Рождество исполнилось ей 17 лет* (кн.2, 521). *На осенний мясоед назначили свадьбу* (кн.1, 31).

В главах второй, третьей книг временная организация романа имеет строгую хронологическую последовательность. Отсчет времени ведется в календарном формате, и это становится одним из способов передачи исторической достоверности изображаемых событий. Точная хронология осуществляется за счет использования различных временных отрезков от года до секунды, иногда с конкретизаторами, в роли которых выступают числительные: *Около девяти часов утра Багратион по телефону уведомил Корнилова о том, что в 6 часов 40 минут утра получил через начальника штаба Петроградского округа, полковника Багратуни, приказание Керенского вернуть все эшелоны обратно...* (кн.2, 410). Само время во второй части романа убыстряется, оно связано с действиями, событиями. Динамика как бы ускоряет течение времени, в связи с чем в романе присутствует большое количество наречий с семантикой безотлагательности *сейчас же, тут же, немедленно, сию же минуту, сразу же*. Динамизм повествования характеризует бурную эпоху войны, революции. Новые координаты времени, пришедшие вместе с историческими событиями, разрушают привычное, сложившееся веками представление о самом времени, его последовательности, протяженности и обратимости. Признаки деструкции проявляются на лексическом уровне. Так, в восприятии временных планов казаками наблюдается постоянное соотнесение прошлого и настоящего, которое представляет собой оппозицию. Следует отметить, что оценка настоящего шолоховскими героями зачастую носит негативный характер, это определяется развитием событий романа. К числу языковых средств, частотно присутствующих

в этих выражениях, относится наличие лексем *раньше – зараз* (в значении «сейчас») в синтаксической конструкции с противительным союзом «а». *Раньше были генералы – на него ажник радостно глядеть: сытые, пузатые, важные! А то ты зараз... Так, тьфу – и больше ничего!* (кн.3, 219). Представление о завтрашнем дне также часто находят отражение в синтаксических конструкциях с противительным союзом *а* «нынче X, а завтра Y»: *Нынче носишь шкуру, а завтра, может, вороны будут ее в чистом поле дубить* (кн.3, 16). *Нынче я тут, а завтра меня, может, за Донец пошлют* (кн.3, 319). Компонент «нынче X» – констатация факта, который существует на данный момент, а компонент «а завтра Y» – изменение (в негативную сторону), разрушение того, что было, есть.

Таким образом, герои романа «Тихий Дон», живя в определенную эпоху, одновременно существуют в разных временах: историческом и возрастном, сакральном и профанном, личном и природном, что составляет суть явления политемпоральности. Разные системы временной организации помогают раскрыть образы персонажей, их судьбы и психологию, построить сюжетные линии. Художественное время в романе обратимо (автор воскрешает события прошлого) и многомерно (действие разворачивается в разных временных плоскостях). Внутреннее движение романа, его сюжетно-смысловое развитие основано у М.А. Шолохова на диалектике взаимодействия разных временных планов. Большую роль во временной организации романа играет память личности, причастная к времени, устанавливающая связь между прошлым и вневременностью. Восприятие будущего напрямую связано с модусом настоящего и прошлого. Разрушение традиционной темпоральности – отрыв от прошлого – приводит к неопределенному будущему, порождает семантику неодобрения. Именно диалектные номинации представляются своего рода регуляторами гармоничной позиции человека в ситуации темпорального конфликта, формируя временной континуум в картине мира казаков.

В третьей главе рассматривается диалектно-просторечная лексика как маркер темпоральности в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон». Акцент ставится на реализации этой универсальной категории в традиционной картине мира. В

связи с этим на основе анализа научных работ выявляются особенности темпорального отражения в русских диалектах. В отечественной науке имеется ряд работ, посвященных этой проблематике, при этом необходимо отметить многоплановость самого объекта исследования, а также разнообразие подходов к ее решению. Изучая данную проблему, лингвисты рассматривают диалектную лексику в нескольких аспектах: структурно-семантическом (выделение ЛСП, идеографических классов, исследование их структуры – С.М. Белякова, Д.И. Лалаева); культурологическом (соотнесение темпоральной лексики со значимыми культурными стереотипами, эталонами и ценностями народа – Г.В. Калиткина, С.М. Толстая), историко-этимологическом (Д.Г. Ищук, Л.Н. Михеева) и др. С учетом полученных этими исследователями данных нами рассматриваются особенности функционирования в романе диалектно-просторечной лексики с временным значением, а также сопоставляются общерусские и диалектно-просторечные номинации времени.

Из общего состава лексики с темпоральным значением в романе М.А. Шолохова нами были выделены 266 диалектно-просторечных лексем и фразеологизмов, стилистическая принадлежность которых была установлена с помощью словарей. Всего было проанализировано 2358 случаев употребления указанных лексем. Достаточно широко с точки зрения количества диалектных лексем в романе «Тихий Дон» представлен план настоящего. Среди них самыми частотными являются наречия *зараз*, *теперь* (в различных фонетических и словообразовательных вариантах), *none*. В романе М.А. Шолохова *зараз* и *none* в некоторых случаях функционируют как синонимы, реализуя при этом следующие семантические оттенки: 1) в момент речи или в период, включающий момент речи. *Вот я какой на них злой зараз* (кн.4, 504); 2) в ближайший момент после момента речи. *Он зараз верст на десять наметом пойдет* (кн.4, 456); 3) в ближайший момент перед моментом речи. *Зараз полегчало, молодые казаки попришли в хутор* (кн.4, 579). В романе план настоящего имеет широкие и неопределенные границы, в диалектной речи героев не встречаются языковые средства, более точно передающие период настоящего. Эту особенность

настоящего времени отметил А.В. Бондарко: «... Что же касается семантики настоящего времени, то она имеет явно выраженный характер открытой системы. Настоящее актуальное связано с представлением ситуации в ее развитии во времени. Границы настоящего чаще всего неопределенны, размыты и при этом несущественны» [Бондарко 2001: 23].

Категория прошлого также значима в темпоральной картине мира казаков. Прошлое становится не только предметом речи героев, лексика этого класса может указывать на определенное время совершения события, например, наречие *вчера*: *Вчера пленных краснюков погнали в Вешки наши* (кн.2, 557). У казаков отсутствовал точный отсчет времени, поэтому лексические маркеры, указывающие на неопределенное время в недалеком прошлом, многочисленны. Среди них особое место занимает наречие *надысь*, которое в литературном языке имеет синоним *на днях, совсем недавно*. В романе *надысь* обозначает недавнее время, которое не примыкает непосредственно к моменту говорения, а находится за пределами сегодняшнего и ближайшего двух-трех дней: *Надысь выбрали атамана* (кн.2, 568). Темпоральным маркером, обозначающим период давно прошедшего времени, является вводное слово *бывало (бывалоча)*, которое непосредственно связано с категорией памяти и присутствует в рассказах-воспоминаниях героев: *Бывалоча, глянешь, – а по воде голубые атаманские фуражки...* (кн.2, 474). *Маленьким был, зимой, бывалоча, заберусь на печку...* (кн.2, 362). А.В. Бондарко говорит в данном случае о значении «давнего обыкновения», «... поскольку такое наименование отражает комплекс двух семантических признаков, свойственных рассматриваемым видовременным образованиям» [Бондарко 2001: 20]. Темпоральные вехи могут отражать не только личный опыт человека, но и опыт истории, представляя явление культуры, «... которое напрямую связано с идентификацией и самоидентификацией общины и ее членов» [Калиткина 2010: 109]. Чаще всего такими номинациями в речи героев являются названия войны или имя исторического деятеля: *Мы об этом последними узнаем. Как в японскую войну* (кн.1, 179). *Мы как служили при покойничке Александре Втором...* (кн.2, 353). *А чем нам при царе плохо жилось?*

(кн.2, 415). Необходимо отметить, что план будущего практически отсутствует в речи героев, единичные случаи маркируют выражение близости к моменту речи (как правило, в пределах одного года): *На этот год, живы будем, посеем* (кн.3, 217). *В эту субботу в станицу молодым на присягу* (кн.1, 111).

Время в пределах суток может быть обозначено как отдельными лексемами, так и устойчивыми сочетаниями слов. Период дневного времени подразделяется на утреннее время, обеденное и послеобеденное и маркируется достаточно четко. Обеденное время манифестируется выражениями: ***время (солнце) в дуб, солнце в два дуба, солнце с полдён*** и др. Дерево (в данном случае дуб) издавна играло роль стрелки солнечных часов. «Солнце в дуб вышки» означает буквально, что дневное светило поднялось над верхушкой самых высоких и мощных деревьев. «Солнце в дуб» – это полдень, «за дуб» - солнце клонится к закату. Например:... *а как станет солнце в дуб, заюжит овод, зачнет скотину сечь, – вот тут...* (кн.2, 363). *Неяркое солнце стояло в полдуба* (кн. 1, 12). Положение солнца на небе часто становится темпоральным маркером: *В зените, за прядью опаловых облачков, томилось солнце* (кн.3, 25). *Над хутором, сомлевающим от жары, в отвес встало солнце* (кн.3, 58). Ночное время суток в казачьем хронотопе имеет менее детальное членение, чем дневное. Определяется ночное время обычно пением петухов (*кочетов* – на Дону). Диалектизм *кочет* чаще всего выступает в донских говорах символом времени и реализует его в семантике устойчивых словосочетаний: ***первые кочета*** – полночь, ***вторые кочета*** – около двух часов ночи и др.: *Пришел после первых кочетов* (кн.1, 17). *Разбуди меня после первых кочетов* (кн.1, 90). Также в роли темпоральных указателей на позднее вечернее или ночное время могут выступать слова с семантикой «темный»: *непроглядь, темь, потемки. ... ничего не видно за серой непроглядью* (кн.1, 218).

К объективному времени относим возрастные обозначения в романе, которые группируются в четыре базовых класса, выражающих представления об основных периодах в жизни человека: детство (*чадунюшка, дите, деточки*), молодость (*девка, парнюга, молодайка,*), зрелость (*тетка, баба*), старость (*бабуня, дедок, дидко, дедуня*). Кроме обозначений лиц по возрасту, возрастные

номинации реализуют грамматическую семантику собирательности и количества: *Ну детва ихняя и плохую износит* (кн.3, 248). *Вставайте, ребятежь* (кн.2, 412). *Сколько лет? Двадцать первый* (кн.4, 578).. *Мне ить уж под сто пошло* (кн.3, 218) ... *Пятнадцатая весна минула* (кн.1, 177). В речи героев романа находим и другие «указатели» возраста – слова, имплицитно передающих представление о возрасте: *Шутки шутишь, а у самого борода ниже пупка* (кн.2, 412). *Наполовину седой стал* (кн.4, 430). Возраст также служит критерием занятия или оставления тех или иных социальных ролей, поэтому слова с корнем *стар-* могут иметь значение «старый для определенного вида деятельности»: *Теперича самое светок лазоревый, что ж держать, – аль мало перестарков в девках кулюкают?* (кн.1, 54).

Одним из частных аспектов субъективного времени является длительность. Темпоральные единицы этой группы могут характеризовать либо протяженность действия во времени, либо его темп, или скорость протекания. Эти значения представлены оппозициями *всегда – никогда*, *долго – недолго*. Смысл «всегда» выражают наречия *совсем* (в значении «навсегда»), *завсегда*, *наовсе*, *всю жизнь*, *сроду*. *Ты сроду поперек становишься* (кн.1, 110). *Коль не прогоните, останусь наовсе у вас...* (кн.1, 174). Значение «никогда» реализует наречие *сроду*: *Вы небось и утиного кряку сроду не слышали* (кн.4, 515). Первый член оппозиции *долго – недолго* почти не представлен в диалектном материале. Смысл «краткий промежуток времени» выражается наречиями *трошки*, *враз*, *шибко*, *наметом*, *рысью*, *живо*, *чудок* и др. *Отдохнем как следует, перегодим трошки ...* (кн.4, 640). Значение «на короткое время» реализует устойчивое выражение *на-час*: *А вот зайди ко мне в курень на-час* (кн.3, 243). *Мне бы на-часок, ваше благородие, сказать вам ...* (кн.1, 128). Скорость протекания действия, процесса обозначается словами *шибко*, *живо*, *торопко*, *ходко*: *Ниток суровых и иглу-цыганку, шибко!* (кн.1, 22).

Дифференцированные относительно кратности языковые единицы могут содержать указание на количество характеризуемых действий: *Сколько разов говорить?* (кн.3, 361,2). *Как по-твоему – уходить из станицы или ишо разок*

попробовать? (кн.4, 618). Наречие *сызнава* содержит указание на то, что аналогичное действие уже имело место в действительности: *Побить бы его, чтобы сызнава не начинал морочить Аксинье голову* (кн.3, 241). Часто в таких примерах действие носит нежелательный характер. Темпоральные единицы с указанием на частотность могут выражать степень регулярности действия: ... *да баба не велит, ругается кажин день* (кн.4, 620). *Кажну ночь к ней таскается* (кн.1, 295).

С помощью темпоральных единиц со значением конкретизированной неодновременности выражается либо предшествование данного действия другому, либо следование за ним. Первое значение свойственно наречиям *одночась, попервам, дораз, спервоначалу, допрежь, враз*, которые имеют разные смысловые оттенки: 1) «сначала»: *Дадим попервам тебе какую-нибудь немудрячую кобыленку* (кн.4, 668); 2) «прежде чем»: *Допрежь чем брехню задавать, ты узнай, а тогда уж гутарь* (кн.3, 188); 3) «сразу, мгновенно»: *Ты не буровь, дюже, Аника-воин, а то я тебя враз усмирю* (кн.4, 531). Наречие *одночасье* обозначает короткий промежуток времени, как правило, не более одного часа: *То-то гляди, а то я его в одночась стихну с крыльца* (кн.1, 139). Наречие *посля (опосля)* указывает на следование: *Гляди, Пантелеевич, как бы вскорости нам с тобой двоим не пришлось фронт держать* (кн.4, 456). *Опосля стыдно будет, ты ить невеста* (кн.4, 492). В некоторых контекстах присутствует значение предшествующего действия, которое сопоставляется с последующим при помощи союза *а*: *Женись, а посля узнаешь, скучают ай нет* (кн.1, 20).

Лексико-семантический класс темпоральной лексики, обозначающий урочность, связан с обозначением времени относительно некоторого момента: *Во сне тебя вижу и люблю донынче* (кн.3, 240). Наиболее частотными являются контексты с сочетанием *до се*, где *се* восходит к древнерусскому указательному местоимению *сь*, которое употреблялось для указания на ближайшие предметы и сохранилось только в некоторых диалектах: *Ты, Гришатка, до се себя не нашел* (кн.3, 19). С помощью наречий, обозначающих конкретизированное несовпадение с тем или иным моментом времени, выражается либо предшествование действия

установленному или настоящему моменту, либо следование действия за установленным или настоящим моментом. *И ты загодя не ухмыляйся, приברי зубы* (кн.4, 503). *Только наперед говорю, что драться не буду* (кн.2, 552).

Многие наименования временных периодов в диалекте совпадают с номинациями в общерусской лексике, приобретая в говоре особую экспрессивность за счет использования суффиксов субъективной оценки (*часок, живуха, смертынька, скорочко* и др.) Среди диалектной лексики большое место занимают грамматические и словообразовательные диалектизмы, это чаще всего наречия: *теперича, всегда, навовсе, сызнава*, реже имена существительные, обозначающие части суток: *сумеречье, непроглядь, чернь* или слова с собирательным значением: *молодь, детва, молодятня*. Продуктивны слова с приставкой *до*, которая указывает на предел временного отрезка: *доразу, до се, донинче, допрежь*. Встречаются и собственно лексические диалектизмы: *в одночась, на-час, трошки, надысь*.

В классах объективной и субъективной направленности наблюдается неравномерное соотношение общерусской и диалектно-просторечной лексики с временным значением в разных тематических группах. В процентном соотношении от общего числа темпоральной лексики романа диалектно-просторечная занимает 20%, этот факт свидетельствует о народном восприятии времени в произведении М.А. Шолохова. Однако такое же соотношение наблюдается лишь в некоторых классах. Прежде всего, это названия частей суток по положению солнца. У казаков в романе М.А. Шолохова сохраняется устойчивая ориентация на солнечное время, такое определение времени значимо еще тем, что с ним связаны различные виды бытовой, хозяйственной деятельности. Большое количество словоупотреблений диалектно-просторечной лексики по сравнению с другими классами отмечается в группе темпоральных слов, репрезентирующих жизнь как временной отрезок. Как отмечает Г.В. Калиткина, «максимальный объем времени, который релевантен для «наивной» онтологии, – человеческая жизнь» [Калиткина 2010: 57]. В целом лексемы диалектной речи и общерусского языка этой группы совпадают, но могут

различаться шириной сочетаемости и активностью употребления. Возраст служит критерием соотнесенности с той или иной социальной ролью, возрастные номинации часто содержат коннотативный компонент в обозначении либо молодого человека, либо пожилого (ср. *кужонок*, *старюка*). Наименования месяцев, дней недели, времен года в донском диалекте совпадают с литературными названиями. В донском говоре, воспроизведенном в романе, отсутствуют мелкие единицы временного исчисления – *минута* и *секунда*. Это может свидетельствовать о размеренном, даже медленном ходе жизни. Время не поддается счету или измерению, оно локализовано на «оси» отдельной человеческой жизни. Не зафиксированы *миг*, *мгновение*, которые, согласно теории Е.С. Яковлевой, выведены из круга повседневности и входят в надбытовую, исключительную модель времени [Яковлева 1994: 75].

Таким образом, представления о времени у диалектоносителя более конкретны, они имеют более «бытовой» характер. Наш материал также демонстрирует практический, деятельный подход диалектоносителя к феномену времени. Вместе с тем следует указать и на качественный, эмоциональный характер восприятия времени. Несмотря на то что особенности восприятия времени и его языковой репрезентации опосредованы в значительной степени различными социо- и этнокультурными, религиозными и мифологическими представлениями, темпоральная картина мира донских казаков, представленная в романе как вторичный феномен, в своих основных чертах отражает образ времени традиционной русской культуры, имеющей, по мысли В.Я. Проппа, архаический характер. Понятия, вербализованные временными лексемами, коррелируют с циклической и линейной моделями времени, которые соотносятся с семиотической оппозицией бесконечность/конечность. Происходит либо повтор времени, его возрождение, следовательно, вечность, либо смерть, связанная с идеей начала и конца. Доминантами выступают модусы прошлого и настоящего, а также слова, обозначающие жизнь как временной отрезок, причем наиболее представленным оказывается такой этап жизни человека, как старость. В то же время в тексте не выявлена преимущественная ориентация на прошлое

(пассеизм), что характерно для диалектного образа времени (см. работы С.М. Беляковой, Г.В. Калиткиной).

Анализ темпоральной лексики и фразеологии романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» наглядно показывает разнообразие репрезентации временных отношений, соотносимое с реализацией авторского замысла и отражением особенностей мировосприятия донских казаков.

В заключении диссертации делаются основные выводы по работе, подводятся итоги, определяется научная перспектива исследования.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ

Публикации в изданиях, рекомендованных Министерством образования и науки РФ:

1. Охалина, А.А., Белякова, С.М. Сакральное и профанное время в романе М. Шолохова «Тихий Дон» // Вестник Тюменского государственного университета. Филология. – 2012. – №1. – С.170-176.
2. Охалина, А.А. Категория настоящего времени в темпоральной картине мира казаков в романе М.Шолохова «Тихий Дон» // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2012. – №1 (16). – С.40-44.

Другие публикации:

3. Охалина, А.А. Темпоральность как объект исследования в лингвистике // Гуманитарные проблемы современности: материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. редактор Н.Р. Насырова – Тюмень: ТюмГНГУ, 2009 – С. 422-427.
4. Охалина, А.А. Перцептуальное время в романе М.Шолохова «Тихий Дон» // Кризис: гуманитарные стратегии преодоления: материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых/ под редакцией д.с.н., профессора В.В. Гаврилюк. – Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2009. – С. 282-286.

5. Охалина, А.А. Языковые способы выражения категории прошлого в романе М. Шолохова «Тихий Дон» // Гуманитарные аспекты модернизации молодых ученых России: материалы всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень, 2011. – С. 426-429.
6. Охалина, А.А. Суточная шкала времени в восприятии представителя традиционной культуры (по роману М. Шолохова «Тихий Дон») // Филологический дискурс: Вестник филолог. факультета ТюмГУ. Вып.9. Современные контексты языка и литературы. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2011. – С. 231-235.
7. Охалина, А.А. Реализация семантического наполнения слова *время* в романе М. Шолохова «Тихий Дон» // Духовные основы славянской культуры в народном сознании поколений: материалы научной конференции «Духовное пространство в народном сознании поколений» / под общей редакцией д.ф.н. Н.К. Фролова. Тюмень: Вектор Бук, 2009. – С. 123-129.
8. Охалина, А.А. Понятие *жизненный цикл* и языковые средства его выражения (на материале романа М. Шолохова «Тихий Дон») // Славяно-русский мир в языковом сознании евразийцев: Сб. статей 34-й Международной научной конференции в 2 ч. Ч.1. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. – С. 107-112.